

Макарий Берчик был разочарован. Вместо этого он должен быть в приподнятом настроении, он это знал. Он стоял среди руин русского базового лагеря, спрятанного в одном из лесов Польши, заброшенного, как и другие, найденные ими. Русские ушли, и очень спешили - они даже не успели разрушить земляные укрепления лагеря. Волшебники со всей Восточной Польши сообщили о тех же результатах. Казалось, что его страна свободна, по-настоящему свободна, когда силы вторжения вернулись в Россию. Но в отличие от большинства своих соотечественников, которые открыто и громко праздновали, ему не хотелось праздновать. Он не доверял русским. Они слишком часто наносили Польше ножевые ранения в спину.

Царь мог утверждать, что хочет мира каждому репортеру и дипломату, желающему встретиться с ним, что было немало, но Макарий не был дураком. Заявление царя о том, что он отзывает своих военных волшебников в Россию, последовало за многочисленными сообщениями о том, что целые части русских не только дезертировали, но и нападали на других русских. Было совершенно ясно, что он теряет контроль над своими войсками, может быть, даже над своей страной. Польские и британские войска должны использовать эту возможность и продолжать наступление. Толкните в Россию, даже в Москву. Они могут даже взять с собой пруссаков.

По крайней мере, так считал Макарий. Увы, он был не временным министром магии Польши, а простым командующим Свободных польских войск. И министр явно не хотел, чтобы Польша вошла в состав России, когда на столе лежало предложение о мире. И министр был не единственным. Макарий огляделся. Его волшебники и ведьмы шутили. Лена размахивала найденным красным флагом и выкрикивала боевые кличи с фальшивым русским акцентом, к удовольствию Мирослава Антоника, его заместителя. Если даже солдаты, которые знали, насколько предательски ведут себя русские, вели себя подобным образом, велика вероятность, что все гражданские лица уже предполагали, что война закончилась.

Макарий вздохнул. Даже если он опасался, что русские оставили позади некоторых волшебников, спрятавшихся в лесах или даже в городах, его волшебники и ведьмы заслужили этот праздник. Он не стал бы им портить, хотя чувствовал, что они совершают ошибку. Он по-прежнему следил за тем, чтобы охранники стояли на своих постах и не расслаблялись. По крайней мере, они наконец-то, после нескольких недель умоляющих, смогли получить некоторое усиленное британское радиолокационное покрытие для Польши, которое могло бы обнаруживать разочарованных летчиков, так что угроза внезапных нападений со стороны наездников на метлах была нейтрализована. Еще одна причина, подумал Макарий, внезапного отхода царских войск.

Кстати о наездниках на метлах... Макарий мельком заметил приближающиеся рыжие волосы и с улыбкой быстро наложил на свою мантию бичевание.

«Добрый вечер, командир Берчик». Джинни отсалютовала польскому офицеру.

«Добрый вечер, капрал Уизли». Командир Берчик отдал честь. Технически это было простое военное приветствие, но его улыбка и тон превратили его в флирт. Она больше не краснела от открытого восхищения в его глазах.

«Что привело лучшего британского наездника на метлах в этот грязный передовой лагерь?» Макари, командир Берчик, напомнила себе Джинни, спросила его веселым голосом, который стал таким знакомым в последнее время.

«Как вы наверняка знаете, мое подразделение прикреплено к вашему уже несколько недель в качестве воздушного разведчика и элемента прикрытия». Она встретила с ним взглядом. "Вы не были забыты, не так ли?" - спросила она с притворной озабоченностью.

«Если бы я это сделал, вид вас разрушил бы чары, будьте уверены в этом». Это заставило ее покраснеть, хотя она маскировала это или пыталась скрыть гнев из-за его непрофессионального поведения. Иногда она задавалась вопросом, был бы Макарий - командир Берчик - таким же напористым, если бы на ней была мантия вместо спортивной одежды. «Но позвольте мне перефразировать это. Что привело меня к лучшему британскому наезднику на метле?» Его глаза добавили «и самые красивые» к его вопросу, а его улыбка стала шире. Джинни была уверена, что он думал, что знает, что заставило ее подойти к одинокому командиру, в то время как все остальные, не находящиеся на страже, праздновали окончание сражения в Польше. Проблема была в том, что она сама не знала, зачем это сделала. Или она не хотела быть уверенной.

«Я хотел спросить, есть ли у вас для меня какие-нибудь заказы». Неубедительное оправдание. Даже новобранец знал, что нельзя говорить это офицеру, любому офицеру после первого дня в форме. Даже если формально, она не была его прямой подчиненной.

«А. Вы действительно исключительны. Большинство наших товарищей, кажется, довольны тем, что война окончена, и действуют соответственно». По мнению Джинни, это была безопасная тема, поэтому она ухватилась за нее.

«Это глупое предположение. Война не закончится, пока русский царь не будет свергнут, а его режим не заменен демократическим правительством. У нас сейчас, в лучшем случае, перемирие». Джинни не была военным экспертом, которым стал Рон, но и не знала ничего.

Макарий кивнул на ее слова. «Вы, конечно, правы. Я действительно ожидаю возобновления боевых действий, как только русские разберутся со своими внутренними проблемами».

«Мы должны воспользоваться нашим преимуществом и прикончить их, пока они ослаблены». Это то, что сказал бы Рон и сказал.

«К сожалению, это решение не наша. Лучшее, что мы можем сделать, - это использовать этот перерыв, чтобы отдохнуть и прийти в себя, и надеяться, что мы будем лучше в этом, чем наши враги».

Джинни кивнула. «Да. Кажется, это лучшее, что мы можем сделать».

«Великолепно! Тогда давайте сделаем именно это!» Макари ухмыльнулся и протянул ей руку,

как будто собирался провести ее в бальный зал, а не обратно к группе волшебников и ведьм, празднующих в заброшенном вражеском лагере. «Волшебники и ведьмы», - поняла Джинни, глядя на них двоих и перешептываясь с ними. Она очень хотела проклясть Макария.

Владимир Петрович Володин сидел рядом с Сашей, держа в левой руке стакан, а в правой - у кобуры для палочки. На всякий случай мужчина, с которым она разговаривала, что-то попробовал. Он не пропустил взгляды, которыми шрамованный мужчина послал ей дорогу, когда она вошла в погружение, в котором они встречались, наполненная дымом от дешевых сигарет и людьми, упавшими на свою удачу. На большинстве из них была хотя бы часть военной формы. Там меховая шапка, армейская куртка, военные ботинки... бар обслуживал бывших военнотружущих и тех, кто любил изображать из себя таких.

Человек, с которым разговаривал Саша, не был позором. Виталий Егорович Жиров. Бывший командир роты на войне в Афганистане. Он пережил огромные изменения после распада Советского Союза, но после Первой чеченской войны его выписали, с большим количеством шрамов, но без денег. Слишком умен, чтобы стать головорезом для олигарха, но недостаточно связан, чтобы основать собственный синдикат. Солдат без армии. И пиропатрон.

Он больше не смотрел на Сашу, как будто хотел ее переспать. Владимир увидел, что старик сидит прямее, - бессознательный знак уважения. У него был небольшой мешочек, но он выглядел по-прежнему в хорошей форме и не слишком глубоко в своих чашках даже в этот час. Однако его голос звучал так, как будто он курил по очереди самые худшие турецкие сигареты, какие только можно было купить.

«Итак ... вы говорите, что хотите нанять меня, чтобы я обучил кучу людей. Покажите им, как сражаться. Вы и ваш друг выглядите так, будто вы не новички в войне, у вас такой вид. Так зачем вам я? Кто? вы собираетесь воевать? С синдикатом? с чеченцами? »

Саша усмехнулся и наклонился вперед. «Царские войска». Это рассмешило Жирова. Потом он протрезвел и прищурился. Саша покачала головой: «Да, этот царь».

"Вы безумец."

«Мы - нет. Чистокровные в Британии, Франции и Пруссии пали. Царские силы находятся в беспорядке, и большая часть маглорожденных и полукровок в его армии дезертировала во время отступления из Польши, многие из них присоединились к Революционным силам. Британцы сражаются с помощью винтовок и магии. Мы сделаем то же самое и свергнем царя ». Саша смотрела прямо в глаза Жирову, в то время как она говорила с такой интенсивностью, что даже Владимир, который видел ее пьяной, сошедшей с ума, больной, сварливой и грустной, вздрогнул.

"Кто ты?" - прошипел Жиров.

«Я - Молот». Молоток.

Еще одно шипение. «Я слышал, что Молот был мужчиной».

"Вы не ослышались. Вы с нами?"

Жиров на мгновение задержал взгляд на Саше, потом откинулся назад, смеясь. «Думаю, я снова иду в советскую армию». Он салютовал ведьме. «Я рассчитываю, что мне заплатят. Убийство чистокровных не платит за еду».

"Вы будете."

Владимир подал знак разочарованным Константину и Клаве, а Саша и Жиров обменялись рукопожатием. После оплаты счета Жирова группа аппарировала обратно в свой лагерь.

Он был таким же грязным и, надеюсь, таким же скрытым, как и лагерь, в которых они жили в Польше, но они добавили маскировочные сети поверх заколдованных палаток и раскрасили их соответствующими узорами. Это не сделало бы ничего больше, чем то, чего еще не делала магическая маскировка, но это помогло, по крайней мере, психологически сделать лагерь отличным от лагерей чистокровных.

Приезд Саши привлек обычное внимание лагеря. У людей были вопросы, на которые нужно было ответить, уточнить приказы и поделиться информацией. Это было не совсем официально, но «Молот» был, несмотря на это, лидером революции. Молот, который сокрушит чистокровных. Она справилась с этим хорошо, как Владимир и предполагал. Клава и Константин пошли с Жировым, чтобы показать ему его палатку и палатки, в которых хранилось «приобретенное» ими оружие. В основном АК-47, но и более тяжелое вооружение. Ролевые игры различных типов были особенно востребованы, поскольку они могли проходить через связанные и перекрывающиеся щиты War Wizards, как это доказали британцы. Но не многие умели обращаться с оружием. Отсюда и потребность в Жирове.

Владимир пошел за Сашей. Его собственная позиция была такой же неофициальной, как и ее, но никто его не подвергал сомнению. Он был ее тенью. Ее охранник. Ее голос и ее палочка, если понадобится. И он ее не подведет.

Перси Уизли сохранял вежливую, даже уважительную улыбку на лице, хотя ему очень хотелось закатить глаза и усмехнуться Карлу Вольфу, представителю Волшебной Баварии. Этот человек бормотал «об этом шансе на мир, об этой возможности залечить раны, нанесенные недавним конфликтом, восстановить то, что было разрушено». Как будто его мнение здесь имело значение. Волшебная Бавария не была миниатюрной нацией, как многие другие волшебные германские государства, но единственным немецким голосом, который имел хоть какой-то вес, была Пруссия. Это знали все присутствующие здесь на саммите - представители всех стран, по крайней мере формально находящихся в состоянии войны друг с другом в Европе. Тем не менее, слушать глупцов было небольшой платой за предоставленную ему возможность. Он представлял Волшебную Британию, а не просто как прославленный посланник Гарри и Гермионы.

Он все еще был немного удивлен тем, что ни один из них не присутствовал на саммите лично, хотя в последний раз, что он слышал, большинство считали это правильным решением - ходили слухи, что в последнее время их настроение ухудшилось с тех пор, как русские предложили перемирие. Перси не понимал, почему именно - поскольку война почти приостановлена, казалось, что они должны испытывать меньший стресс. Он не слышал о назревающем новом кризисе, даже премьер-министр, казалось, был занят маггловской политикой Великобритании. Что же тогда могло так на них повлиять?

Он отложил вопрос и сосредоточился на следующем выступающем, мадемуазель Франсин Ранкур, представительнице Волшебной Франции. Молодая для своего офиса - но и сам Перси - она не проявляла нервозности. Никакого акцента. После обычных слов о том, насколько важен этот саммит, она перешла к теме. «В то время как Magical France понимает, что для достижения прочного мира необходимо некоторое доверие, только глупец мог бы упустить тот факт, что это предложение о мирных переговорах было сделано после серии поражений, понесенных оккупационными силами в Польше. Однако позиция Франции состоит в том, что при правильных гарантиях и принятии мер предосторожности мир может быть достигнут, не подвергая нас опасности ».

Перси это понимал - Франция пострадала в войне, в основном во время их союза с Россией, хотя здесь еще никто не был настолько груб, чтобы упомянуть об этом. И пока они находились в состоянии войны с Россией, они еще не развернули значительные силы и могли рассчитывать, что Россия первой нанесет удар по Польше и Пруссии, если война возобновится, чтобы у Франции было время еще подготовиться.

Делегат Польши не выступал против мира, но стремился сохранить как можно больше союзных войск в своей стране. Румыния разделяла мнение, хотя эта конкретная страна также должна была учитывать свою деликатную внутреннюю политику - слишком большое количество маглорожденных сил, размещенных там, принесет больше вреда, чем пользы. Перси посоветовал Виктору Краму, который был одним из немногих лидеров государства, явиться лично, что Болгария может послать некоторых волшебников в Румынию. Похоже, там они избегали вражды между маглорожденными и чистокровными, хотя это сделало бы границу Болгарии с османами немного незащищенной.

Заявление «Волшебной Венгрии» сводилось к следующему: «Мы вышли из войны, мы не хотим ссориться ни с кем». Никто, кроме них, не знал, правда ли это - состояние их отношений с Волшебной Австрией поставило в тупик большинство дипломатов, с которыми он разговаривал. Большинство согласилось с тем, что две страны либо станут союзниками, либо начнут войну друг против друга, но никто не мог сказать, что произойдет.

Российский делегат просто прочитал заявление царя, в котором повторяется его предложение о мирных переговорах, частью которых этот саммит технически не был, и приказ своим войскам защищать только себя и территорию России от любого нападения. По крайней мере, это было кратко.

Перси обменялся взглядами с прусским делегатом Маркусом Шмидтом. Шмидт еще не сказал, как и сам Перси, но было ясно, что вершина движется по пути, которого они оба ожидали. Слишком много стран устали от войны, не желая упускать шанс на мир, чтобы они могли

оказать какую-либо поддержку вторжению в Россию. Великобритания и Пруссия, вероятно, могли бы начать вторжение в одиночку, но без французской и польской поддержки они понесли бы тяжелые потери, и тогда Россия могла бы снова успешно поднять угрозу агрессии Гриндевальда. Даже если они выиграют, они будут еще больше ослаблены и окажутся под подозрением со стороны многих других стран, без большого политического капитала, оставшегося в ICW, и не так много союзников останется в Европе.

Перси должен был признать, что царь выиграл этот раунд - он остановил вторжение в свою страну, не применив ни единого заклинания. Время покажет, насколько это поможет России. Для борьбы с врагом было больше, чем просто открытая война.

Виктор Крам чувствовал себя вполне счастливым. Саммит удался. Война была если не окончена, то, по крайней мере, приостановлена, пока не начались мирные переговоры. Он был разочарован тем, что Гермиона не присутствовала на саммите, но с Персивалем Уизли было приятно поговорить. Он прошел долгий путь от молодого бюрократа, которого встретил во время Турнира Трех Волшебников. Вполне открыто для идеи размещения нескольких британских войск в Болгарии, пока болгарские волшебники усиливают Румынию. Хотя он все же предпочел бы встретиться с Гермионой. И Гарри. С другой стороны, может, ему стоит подождать до свадьбы.

Царь Кирилл Дмитриевич Романов сидел в своем кабинете, глядя на портреты своих предков, кормя бокалом бокала. Он чувствовал себя хорошо, или должен. Его уловка сработала. Британии и Пруссии не удалось подтолкнуть своих союзников к поддержке вторжения в Россию, и его Военные Волшебники вернулись в Россию и могли свободно разобраться с грязнокровным сбродом и другими предателями. Как только его Мастер шпионов предоставит ему местонахождение лидера грязнокровок, этого «Молота», этой революции, нет, этого восстания будет покончено.

И все же... он взглянул на портрет княгини Анны Карины. Все еще пусто. Его прадед все еще неодобрительно смотрел на него. Что ж, его портрет сделал. Он сказал себе, что душа его настоящего прадеда одобрит. В конце концов, времена изменились, и он спас Россию. Так далеко. Если бы только его военные волшебники нашли этих повстанцев! Он осушил свой кубок и снова наполнил его взмахом палочки.

Они преследовали его силы, устраивали засады на его волшебников. Они даже использовали магловское оружие. Не так хорошо, как британцы, в этом согласились Герасим Александрович Енин и Нина Ильина, но достаточно хорошо, чтобы нанести гораздо больший ущерб, чем должны быть способны нанести полуобученные грязнокровки своими жезлами. Герасим еще раз попросил использовать магловское оружие или даже маглов, чтобы сразиться с ними, дураком. Царь отправил его на восточную границу. Взгляд на китайских волшебников на холоде должен научить его не гневить правителя Волшебной России.

Ему нужны были чистокровные командиры, которые могли бы победить врага, не опустившись до их уровня. Нина добила некоторого прогресса, но ей потребовалось немало боевых волшебников, чтобы победить сброд, с которым она столкнулась, что затрудняло восстановление и вербовку, необходимых ему для спасения России. Хуже всего распространялась измена. Не только грязнокровкам, даже полукровкам нельзя было доверять,

и, согласно последним сообщениям, которые он получил, даже более бедные чистокровки стали восставать против эвакуации меньших деревень, которые он приказал. Он проклял обоих дураков и что его кубок снова был пуст. Не то чтобы он приказал их депортировать, но его силы не смогли защитить каждую маленькую деревню. Не мог помешать каждой маленькой волшебной лачуге поддержать мятежную чернь.

Дверь в его кабинет открылась, и он нахмурился. Этого не должно было случиться. Он строго приказал не беспокоить его. Он прищурился, когда увидел, что это царевич Александр Кирилович Романов. Его наследница, Баба Яга, помоги ему! Он собирался спросить, чего хочет Александр, когда увидел дюжину людей, следующих за его сыном. Ах.

Царь встал, а группа - все молодые, все друзья Александра - разошлась, а его сын посередине. "Что означает это прерывание?" - спросил он едким голосом, хотя уже знал, что происходит.

Александр выглядел нервным, но не дрогнул ему в глаза. «Ты ведешь нашу страну к катастрофе, отец. Люди потеряли веру в тебя».

«Люди стоят за моей спиной. Те, кто имеет значение. С мятежным сбродом скоро будет покончено». Царь заметил, что остальные юные волшебники ерзали, некоторые нервно смотрели на дверь, которая снова закрылась.

Александр покачал головой. «Чернь, как вы их называете, имеет наибольшее значение! Неужели вы настолько ослеплены своим высокомерием, что не видите надписи на стене? - правление чистокровных не удалось повсюду! Россия будет следующей, если вы продолжите свой план. Единственная надежда избежать приближающегося кровопролития - это реформировать нашу страну. Мы должны принять каждого волшебника, независимо от его рождения ».

«Я вижу, вы попались на ложь, распространяемую грязнокровками. Россия не падет на их яд. Мы сокрушим повстанцев и восстановим естественный порядок. Кровь покажет». Царь почти покачал головой. Как мог его сын быть таким глупым, чтобы предать свою страну и свою кровь? Он знал, что был слабым, мягким, но это?

«Кровь расскажет только истории о войне и разрушениях, отец. Я не позволю тебе втянуть Россию в глупую войну против истории». Глупо, но, может быть, не так мягко, как он думал.

Царь приподнял бровь. «Ты не позволишь мне? Ты не только бросаешь вызов мне, но на самом деле пытаешься свергнуть меня?» Для чего еще он привел сюда дюжину других молодых дураков? Но хватило ли ему смелости пройти через это? Был ли он Романовым, несмотря на его глупые представления?

Александр сглотнул, но его голос был твердым, когда он ответил: «Да. Мой долг перед моей страной важнее, чем мой долг перед моей семьей». Он и его друзья подняли жезлы на царя. "Сдавайся, отец!"

Царь посмотрел на сына, потом усмехнулся. По его мысленной команде металлические лезвия вылетели из пола, из стен, из потолка, разрезая, рассекая, обезглавливая и пронзая друзей его сына-предателя, прежде чем кто-либо из них успел пробормотать заклинание. В разгар бойни его сын был спасен, хотя два лезвия порезали его руку, его жезл и металлические руки, удерживавшие его в плену.

В то время как его сын трясся от шока, а кровь его друзей стекала по полу, царь медленно обошел свой стол к Александру. «Говорят, что первый ученик Слизерина создал эту комнату после своего возвращения из Шотландии на родину, копируя одно из самых сильных чар, которые показал ему его учитель. Вы не первый предатель, чей план был сорван этим Тайна этого передается новому царю только через портреты его предков, повешенные в этой самой комнате, после того, как он был коронован. Вы, конечно, никогда этого не узнаете ». Он говорил почти небрежно, шагая через кровь, чтобы встать перед своим сыном.

Александр, к его чести, преодолел шок к тому времени, когда царь подошел к нему, и смотрел на него с вызовом, его взгляд не дрогнул, когда Кирилл поднял свою жезл. «Ты обрекаешь нашу страну, наш народ, Отец».

Царь хотел убить его, но колебался. Александр все еще был его сыном. Чтобы пролить свою кровь здесь, на глазах предков... он оглянулся на портреты. Все смотрели на него. Даже принцесса Анна Карина. Вместо того, чтобы убить собственную плоть и кровь, он оглушил и связал Александра. Опустив палочку, он отвернулся и отпустил металлические руки и лезвия, вернув своему офису его нормальный вид.

Он собирался позвать своего мастера шпионов, но заколебался. Его сын пришел с дюжиной товарищей-предателей. Как могло случиться, что это осталось незамеченным, когда так много людей были причастны к планам? Допустил ли его начальник шпионской сети такую решающую ошибку, как отсутствие источника в ближайшем окружении своего сына, или он сознательно упустил из виду эту попытку? Кому мог доверять царь? Где, за пределами этой комнаты, он будет в безопасности?

Он все еще размышлял над этими вопросами еще долгое время после того, как двое охранников увели его сына в темницы. Портрет княгини Анны Карины снова оказался пустым.